

ЛОГИКА ПЬЕСЫ И ПОЗИЦИЯ ТЕАТРА

Закончил свои гастроли в Москве Кемеровский драматический театр имени А. В. Луначарского. Приезд театра из города Кемерова ожидался художественной общественностью Москвы с большим интересом. Известно было, что спектакли этого театра с завидной регулярностью получают премии и дипломы на различных республиканских и всесоюзных фестивалях и смотрах, известны были имена его ведущих актеров, обладающих отличной профессиональной репутацией.

Интерес вызвала и сводная афиша театра, на которой соседствовали инсценировка «Тихого Дона», знакомая москвичам по успешным гастролям Ленинградского Большого драматического театра, и новая инсценировка «Анны Карениной», сделанная драматургом М. Роциным и еще не известная московскому зрителю. Впервые поставленная на русском языке пьеса украинского драматурга А. Коломийца «Дикий Ангел» и нигде в стране, кроме этого сибирского города, не идущая трагедия венгерского классика И. Катона «Банк бан». А также шедшая когда-то на сцене ЦАТСа «Каса маре» И. Друцэ, названная кемеровчанами «Дарю небо и землю», и «Город на заре» А. Арбузова. Что говорить, репертуар, ни в одном театре страны не повторяющийся. Правда, он никак не связан с городом, где работает театр. Наверное, было бы справедливо, если бы в гастрольной афише нашли отражение поиски театра в современной рабочей теме, такой, чтобы кузбасские зрители, ежедневно заполняющие зал, могли прежде всего окунуться в сложный мир окружающих их жизненных проблем, стать свидетелями художественного анализа их собственных душ...

Гастроли начались с двух инсценировок. Как будто театр хо-

тел своим искусством принять участие в недавно развернувшимся на страницах печати споре о том, насколько правомерно и целесообразно переводить высочайшие образцы художественной прозы на язык сценических образов.

«Тихий Дон», если верить программе, идет по композиции Г. Товстоногова и Д. Шварца. Однако в кемеровском театре инсценировка подверглась значительной обработке, главным образом за счет исключения народных сцен, составляющих основу для философских размышлений ленинградцев. В силу этого спектакль свелся к череде столкновений Григория Мелехова (А. Дахненко) с другими героями романа, и главное в шолоховской эпопее — рассказ о тяжком пути казачества к правде революции — осталось лишь названным, но не сыгранным. Думаю, что дело здесь не столько в режиссерской интерпретации Б. Соловьева, сколько в пренебрежении театром тем обстоятельством, что инсценировку, написанную специально для определенного коллектива, нельзя безнаказанно делать основой совершенно иного по замыслу спектакля. Это несколько не умаляет роли художественной прозы в современном театре. Дело лишь в том, что авторская инсценировка и режиссерская, сделанная с точным видением будущего спектакля, — вещи принципиально разные.

Вот пьеса М. Роцина по роману А. Толстого «Анна Каренина» — вполне определенное авторское прочтение романа. Спектакль начинается с появления малолетнего Сережи Каренина, который, освещенный пламенем свечи, произносит, обращаясь в зал, слова эпиграфа: «Мне отмщение, и аз воздам». Эти евангельские слова, особенно впечатляюще прозвучавшие в устах ребенка, точно и недвусмысленно определили тему

спектакля, поставленного Б. Соловьевым, спектакля о пагубных последствиях супружеской неверности.

В соответствии с этим прочтением и исполнительница роли Анны — В. Литвинова как будто сознательно ограничивает свой темперамент, как бы боится и не хочет показать силу и необъятность чувства своей героини, акцентируя зрительское внимание на мучениях ревности, терзающих Анну, на ее безрезультатных поисках выхода из положения, в которое она сама себя поставила. Надо сказать правду, автор инсценировки всячески помогает именно такому толкованию образа Анны, исключая из пьесы центральные сцены, повествующие о любви героини.

А вот чувства Каренина, его ревность, его любовь — да, да, настоящая, вызывающая сочувствие зала, — оказались на первом плане, и Алексей Александрович Каренин (М. Варшавер) стал в силу этого единственным героем спектакля, чьи благородные поступки вызывают дружные аплодисменты зрителей.

Так волюн или невольно создается впечатление, что театр, безоговорочно поверив Толстому-моралисту, не поверил Толстому-художнику, создавшему один из вершинных женских образов в мировой литературе, — образ человека, умевшего любить огромной, всепоглощающей любовью, которая опрокидывает все условности буржуазного общества.

Незавершенная драматургия поставила в трудное положение театр и при его встрече с пьесой А. Коломийца «Дикий Ангел» (режиссер А. Шалов). Нетрудно понять, почему выбор пал на это произведение: проблема хозяйского отношения к государственному добру, отношения, которое начинается с рачительного хозяйствования в собственном доме, — проблема перво-

степенно важная. В центре пьесы — непростой и неоднозначный характер рабочего-пенсионера Платона Ангела, отлично сыгранный Б. Суровым. Это, пожалуй, лучшая актерская работа, увиденная во время гастролей. Однако во второй половине пьесы драматург словно по волшебству разрубает все завязанные им сюжетные и конфликтные узлы, завершая дело всеобщего примирения и взаимного прощения, после чего наступает ничем не мотивированная смерть главного героя. И следуя авторской логике, спектакль, так интересный заявленный поначалу, остается словно внутренне незавершенным.

Зато подлинная ансамблевость отличала «Банк бан», осуществленный венгерским режиссером Р. Ногради и ставший украшением гастрольной афиши. Очень ровная по актерскому исполнению постановка, где одинаково интересно и глубоко работают как корифеи театра, так и представители среднего и молодого поколения — В. Литвинова (королева Гертруда), А. Дахненко (Банк бан), Л. Цуканова (Мелинда), М. Варшавер (Микхал бан), Е. Шокин (Биберах), Н. Привалова (Исидора), В. Коренной (Отто), свидетельствуют о высоком уровне актерского мастерства труппы, что особенно сказалось в трудных, непривычных для современного актера условиях стихотворной, романтической трагедии.

Несмотря на просчеты, гастроли показали, что в индустриальном сердце Сибири работает пылливый коллектив, которому по плечу очень сложные творческие задачи. И критика в его адрес — лишнее свидетельство, что на пути к вершинам театр ждут не только розы. Не ошибается лишь тот, кто ничего не ищет.

А. ВОЛЬФСОН.

12 ИЮЛ 1981

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. МОСКВА